

ХРОНИКА

5-го октября на заседании религиозно-философского семинара Владимир Якубов сделал доклад "Искаженный мир /происхождение и анализ мифотворчества/".

Доклад Якубов начал с определения понятия "миф" и классификаций — миф культовой, философский, художественный, социологический. В докладе анализировал, главным образом, миф массового сознания. Миф массового сознания, по мнению докладчика, использует элементы реального мира, но их перестраивает. Так творится мнимая, воображаемая действительность. Это — тот же реальный мир, но в ненастоящем виде: смущенный, сведенный к некоему ложному центру — идее, знаку. Такая подмена реального мнимым — характернейшая черта мифа. Другая важная черта — всеохватность, всеобъясняющая система, безоголоватное знание. Это — пародия на всеведение Божие. Третья характерная черта — ненависть, необходимость "врага" для утверждения собственной реальности.

В отличие от идеологии, миф не стремится к непротиворечивости, логике. Для мифа, в первую очередь языческого, культ, ритуал, особенно значимы. Миф не требует живой веры, он "практичен", но эта практика некоей идеи, систематизирующей действительность. Язычники не требовали от первых христиан веры в миф, требовали соблюдать ритуал "формально".

Языческий миф, — говорилось в докладе, — был отображением грехопадения. Современный — богоотступничества уже спасенного человека. На место потерянного Бога человек воздвигает абстракцию. Миф может не быть сатаническим (в философии, в искусстве), если он не претендует "все объяснить", стать на место Бога. В противном случае он становится мнимым центром, вокруг которого, как в коллайдоскопе, "создается" любая модель искаженного мира.

Мифотворчество — прямое следствие неверия, которое приводит, в итоге, к неверию и в сам миф.

Таковы основные выводы доклада, которые вызвали оживленную дискуссию. Ряд положений докладчика был подвергнут сомнению.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА: КРИЗИС?

/дискуссия литераторов/

В октябре состоялась инициативная встреча прозаиков и критиков, участие в которой приняли: Игорь Адамацкий, Илья Веляев, Михаил Берг, Аркадий Драгомощенко, Борис Иванов, Юрий Новиков, Борис Останин, Наталья Подольский, Борис Кудряков. Встреча носила профессиональный характер, и не имела заранее ограниченной проблематики.

- По мнению некоторых прозаиков, - сказал Б. Иванов, - наша современная проза - вид искусства, в который Россия бесспорно внесла вклад, имеющий всемирное значение, - сейчас переживает кризис. По мнению других, в самое последнее время появились произведения, которые позволяют надеяться, что кризис остался позади, во всяком случае, такие произведения, как романы Аркадия Драгомощенко "Расположение среди домов и деревьев", Михаила Берга "Отражение в зеркалах с несколькими снами", - эти надежды аргументируют. При всей относительности понятие "кризис", для большинства несомненно, что проза значительно уступает современной поэзии по культурному значению, "технике", и по успеху у читателей.

В начале дискуссии эти две точки зрения на состояние современной независимой прозы проявились. М. Берг считает, что кризис - понятие субъективное. Достоевский о своем времени говорил: "Сейчас нет писателей", - и это в то время, когда писали Тургенев и Толстой. "Я не ощущаю кризиса, - поддержал М. Берга И. Адамацкий. - Но думаю, произошло общее понижение культуры." По мнению Адамацкого, сей-

час происходит поиск более устойчивых ценностей и этот процесс он хочет понять.

Аркадий Драгомощенко видит кризис в том, что каждый из пишущих, хотя и в разной степени, переживает безвыходность. Безвыходность он видит и в переживании возможностей слова и в перспективе содержательном- сюжетного мышления. "Проза Битова, Аксенова, Довлатова- мелка. Но лет пятнадцать назад "Сад" Битова меня поразил. Что же произошло? Слово "кризис"- удобное для фиксации этого опыта неудовлетворения. Новая проза Мартынова, Богданова,- так называемая "малая проза", прозвучала сильнее. В начале она была непонятна, но сейчас, возможно, становится понятной слишком. Очевидно одно, старая проза с ее психологией и социальными проблемами не указывает нам выхода." Драгомощенко сказал, что Саша Соколов изумил его новыми возможностями русской речи. По его мнению выход следует искать на этом пути.

Налъ Подольский так объяснил свое понимание кризиса современной прозы. "Мы воспринимали "Сад" Битова в полной мере, потому что видели перспективу. Собственно, никто из нас этой перспективой не лишился, не мог лишиться. Но тем не менее она была утрачена и пришло ощущение кризиса. Прощу прощения, но прибегну к такому сравнению. Известно, что мартышка- нервное животное. Если ей не давать двигаться полчасика- она умирает." Подольский считает, что ощущение безвыходности исчезает. Но есть безвыходность и безвыходность. "С моей точки зрения, роман Берга безвыходен, но он не соглашается со мной. Если бы этот упрек он сделал мне, я бы также не согласился. Пока мы существуем, безнадежность не существует. И если в том, что я пишу, читатель этого не чувствует, я писал не достаточно ясно."

Б.Останин: "Но стоит ли искать выход! Беккет ставил перед собой задачу- ловушку описать. Можно также задать вопрос: не является ли "ловушка" философским стереотипом?"

А.Драгомощенко: "Художник находится в ловушке изначально. Но наше поколение поняло это не сразу. Мы льнули

к тому, что нам враждебно. Мы изолированы, но от чего? — не оказались ли мы попросту в классической ситуации". Драгомощенко считает, что переживание конфликта: общество-художник, — есть переживание художником своей свободы, как чистого творческого состояния. "Мы стоим перед полной палитрой и речь должна идти о мужестве художника".

Д.Новиков видит созвучный кризис в официальной литературе, критика которой из года в год призывает писателей: Дайте нам положительного героя! В неофициальной литературе он видит симптомы ~~интерпретирующей~~ отхода от традиции русской литературы, которая, как он сказал, "замкнула литературное пространство". Когда искусство переживает кризис, извечно раздается вопрос: "Что делать?"

А.Драгомощенко ответ на вопрос "что делать?" видит не в формальных поисках, которые не решают проблем, создают видимость решения, а в изменении "избирательной стратегии" художника. Он высказал мысль, что между подсознательным художника и его творчеством "должна" быть установлена связь. Что касается традиции, то он считает, что "традиция — это коридор учреждения, из которого не выбраться".

М.Берг отвергает язык принудительных долженствований, обращенный к художнику: "Мы ничего никому не должны", поэтому приемы "писать иначе" — абсурдны. Отвечая на упреки в том, что он во многих своих произведениях обнаруживает зависимость от предшественников, Михаил Берг сказал, что это не зависимость, он понимает реминисценции не как несамостоятельность, а напротив, — как открытое обнаружение собственного творческого движения: "Я здесь был". Вместе с тем, он согласен с тем, что "красота" не находится там, где она была десять лет назад".

Б.Останин сделал попытку резюмировать высказывания, в которых выразилось критическое отношение к традиционной прозе. Отказ от традиции, по его мнению, идет по пути деидеологизации. Этот отказ возможно вызван тем, что "изменилось отношение языка /в широком смысле/ к действительности". Д.Новиков, в своем выступлении отмечал "изби-

точность маленького человека" в русском искусстве, — Борис Останин эту мысль поддержал, относя тему "маленького человека" к той линии русской литературы, которая сейчас вызывает наибольшую резистенцию. Дезидеологизация, поиск адекватного действительности языка, структурные изменения общества питают, по его мнению, авангардистские тенденции прозы сегодня.

В своем выступлении Б.Иванов рассмотрел независимую прозу как часть культурного процесса. "В начале 60-х гг., — сказал он, — начался процесс высвобождения от мировоззренческих клише. В "молодой литературе" человек стал изобращаться в непосредственности своего существования, в чувственной достоверности своего опыта. Это отвечало духу времени. И этим объясняется популярность таких писателей, как Юрий Казаков, Василий Аксенов и Андрей Битов. В неофициальной прозе спонтанность волевых проявлений, дискретность жизненного бытия стали не только новыми эстетическими нормами, но и жизненной позицией авторов. Появился, как я называю, "деструктивный роман", роман с квантованным текстом, без сюжета и фабулы, с дегеронизованным главным персонажем, с деформацией лексики и синтаксиса." К деструктивному роману он отнес произведения Владимира Эря, Элика Богданова, Вандалова, М.Мартынова и роман Драгомощенко "Расположение среди домов и деревьев".

По мнению Б.Иванова, средства поэзии оказались более адекватными для выражения этого дискретного жизненного опыта. "И мы наблюдали очевидный расцвет поэтического творчества на протяжении последних десяти лет. Но если признать, что эпос — это вершина прозаического искусства, то объяснимо и периферийное положение в эти годы прозы, — и та неудовлетворенность, которую испытывают многие прозаики сегодня". Симптоматично критическое отношение к теме "маленького человека", за которым, как считает Б.Иванов, — скрывается потребность в прозе "большого дыхания", преодоление частного положения в мире автора и героя, стремление — "овладеть эпохой". Но это преодо-

ние не может быть достигнуто только за счет "технических средств", — "овладение эпохой" — проблема, прежде всего, духовная. "Проза большого дыхания" может появиться только тогда, когда мир для писателя становится прозрачным, в то время как сегодня "маленький человек", "стена", "темнота", "молчание" и т.д. и "традиция" в том числе, являются символами замкнутости и приватности автора, духовной подавленности и несвободы. Несколько лет назад, когда приходилось говорить о новом реализме, — "реализм" и следовало недоумение. Сейчас с реализмом связываются наиболее глубокие и перспективные изменения и не только в словесном творчестве. Но я считаю необходимым связывать реализм с духовным овладением эпохой. Реализм, с моей точки зрения, стремится к неограниченности, и, следовательно, к эпосу, как своей имманентной цели, если это так, то мы будем свидетелями в ближайшее десятилетие возрождения русской прозы."

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АРОНЗОНА

Вечер состоялся 18 октября. Собрались друзья Аронзона и те, кто не был знаком с ним лично, но знает и любит его поэзию.

С чтением стихов выступили Виктор Кривулин, Алексей Семенов, Аркадий Драгомощенко, Александр Миронов, Елена Мварц.

Рафаил Топчиев сделал доклад о поэзии Аронзона /текст этого доклада приводится ниже/. Композитор Л. Десятников исполнил свой вокальный цикл на стихи поэта. Собравшиеся прослушали магнитофонные записи, сохранившие голос Аронзона.

Ниже мы приводим изложение доклада Рафаила Топчиева о поэзии трагически погибшего поэта.

Докладчик высказал убеждение, что поэзия Леонида Аронсона — не предмет преходящих увлечений. Цельность, стройность, ясность и простота его стихов производят на читателя неизгладимое впечатление. Р.Топчиев показал и близость поэта традиции русского классического стихосложения, и то, что Аронзон внес в него нового, позволяющего иначе воспринимать выразительные возможности классики.

"Но главное не в точности сочленения частей, из которых складывается каркас поэтического текста. Поэт знал что-то очень важное и о многом рассказал нам". Рафаил Топчиев выделил в творчестве поэта часто повторяющаяся в его стихах тема, которую он называл "памятью о рае", к этой теме он и отнес ставшие знаменитыми строчки:

Как хорошо в покинутых местах,
Покинутых людьми, но не богами!

"Но это не блаженные острова, о которых тосковал Гораций или Мандельштам, — говорит Топчиев. — Здесь природа в своей первозданности, здесь человек еще развоплощен и не нуждается ни в меде, ни в хлебе... Никакая идеология не ущемляет п а м я т ь о рае: "рядом с ягнёнком нет льва". "Слияние с природой и покоем... означает однако не nirvana, а инобитие."

Топчиев считает верным высказывание Елены Шварц, что Аронзон был "поэтом смерти в облики любви". Но считает необходимым добавить, что смерть им воспринималась, "как обретение своей подлинной сущности", как "возвращение к предсуществованию, о котором поэт хранит память — память о рае".

Несмотря на краткость, доклад, прочитанный критиком был не только убедительным, но и точным по направлению. Ориентация на природу, и социальный скептицизм — наиболее яркая черта поэзии 60-х годов. "Сад" — сквозная тема многих стихов того времени. /Вспомним также одноименную повесть Битова/. Но "сад", не "рай". И дело,

очевидно, не в классическом несовпадении. Леонид Аронзон в этой ориентации был поэтом наиболее ярким и последовательным. Если социальный скептицизм с наибольшей силой был выражен Иосифом Бродским, то "миф о рае" — Леонидом Аронзоном. Это два крыла одного движения, следствия которого еще требуют специальных исследований.

Д.В.

ВСТРЕЧА ПОЭТОВ

В конце августа состоялся квартирный вечер поэзии. Стихи прочли молодые поэты: В.Менкман, О.Павловский, Т.Вольтекская, Т.Кауфман, Д.Захс. Цель вечера — познакомиться со своим творчеством известных ленинградских поэтов. На встрече присутствовали В.Кривулин, С.Стратановский, А.Драгомищенко и другие.